

Генералъ А. И. Деникинъ

**КТО СПАСЪ
СОВѢТСКУЮ ВЛАСТЬ
ОТЪ ГИБЕЛИ**

ПАРИЖЪ

1937

Генераль А. И. Деникинъ

**КТО СПАСЪ
СОВѢТСКУЮ ВЛАСТЬ
ОТЪ ГИБЕЛИ**

ПАРИЖЪ

1937

Т О Г О Ж Е А В Т О Р А

на русскомъ языке:

Очерки Русской Смуты: Томъ I Парижъ 1921 г.

Томъ II Парижъ 1922 г.

Томъ III Берлинъ 1924 г.

Томъ IV Берлинъ 1925 г.

Томъ V Берлинъ 1926 г.

Офицеры (Очерки) Парижъ 1928 г.

Старая Армия: Томъ I Парижъ 1929 г.

Томъ II Парижъ 1931 г.

Русский вопросъ на Дальнемъ Востокѣ. Парижъ 1932 г.

Брестъ-Литовскъ Парижъ 1933 г.

Международное положение, Россія и эмиграція Парижъ
1934 г.

Въ 1917-1920 годахъ на востокѣ Европы происходили события грозныя и кровавыя, рѣшавшія судьбы Россіи и Польши. Одна изъ странницъ этого прошлаго, наиболѣе темная и, можетъ быть, наиболѣе трагическая по своимъ результатамъ, только въ послѣдніе дни получила окончательное разясненіе. Я разумѣю роль Польши въ противобольшевицкой борьбѣ армій Юга Россіи, мною нѣкогда предводимыхъ.

Історія моихъ взаимоотношеній съ маршаломъ Пилсудскимъ была освѣщена мною еще въ 1926 году въ V-мъ томѣ моего труда «Очерки Русской Смуты». Но въ Польшѣ, по желанію Пилсудского, на эти темные страницы прошлаго до самой его смерти наложенъ быль запретъ. Только теперь бывшіе сотрудники маршала — генералы Галлеръ (бывш. начальникъ генерального штаба) и Кутшеба (бывш. начальникъ отдѣла оперативныхъ плановъ) напечатали свои воспоминанія, вскрывающія сущность дѣянія, даже въ глубокихъ сумеркахъ современной политической морали представляющаго явленіе неизуриядное. Освѣщеніе этого вопроса интересно не только въ цѣляхъ установленія исторической правды, но и потому еще, что надвигающіяся события создаютъ коньюнктуру, во многомъ сходную съ той, которая была въ 1919-1920 годахъ.

**

Съ конца 1917 года поднялось Бѣлое движеніе. Сначала на Югѣ, потомъ на Востокѣ, на Сѣверѣ и Западѣ. Весьма разнородное — и соціально, и политически — по составу своихъ участниковъ, оно возникало стихійно, какъ естественное стремленіе народнаго организма къ самосохраненію, къ государственному бытію, какъ протестъ противъ Брестъ-Литовскаго мира и распродажи Россіи, какъ реакція противъ небывалаго угнете-

нія духа, свободы, самодѣятельности народа, противъ физического истребленія цѣлыхъ классовъ. Значеніе Бѣлаго движенія не ограничивалось предѣлами Россіи. Въ первое критическое время послѣ окончанія міровой войны только Бѣлыя арміи остановили красный потокъ, угрожавшій Европѣ; только онѣ охранили отъ затопленія западная новообразованія и безсильную еще тогда въ венномъ отношеніи Польшу. Достаточно сказать, что къ концу 1918 года, когда рухнулъ заградительный австро-германскій кордонъ, изъ 400 тысячъ дѣйствовавшей совѣтской арміи 300 тысячъ было сковано Бѣлыми фронтами, и только 100 тысячъ развернулось болѣе чѣмъ на 1.000 километровъ, отъ озера Онежскаго до Орши на Днѣпѣ, противъ Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвы и Польши.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Польша и, встрѣчая слабое сопротивленіе большевицкихъ войскъ, продвинула свой фронтъ до Двины, Березины и Случа.

Рядомъ международныхъ трактатовъ, заключенныхъ на Версальской конференціи въ серединѣ 1919 года, установлена была западная граница Польши. Что же касается восточной, то решеніе этого вопроса безъ Россіи представляло непреодолимыя трудности. И только въ началѣ декабря Верховный Совѣтъ опредѣлилъ, наконецъ, временную границу (такъ называемая линія Керзона), проведя ее примѣрно по рубежамъ бывшей русской Польши, безъ Гродно и Брестъ-Литовска. Въ этихъ предѣлахъ Польшѣ предоставлено было ввести нормальное государственное управление, тогда какъ дальнѣйшее расширение на востокъ ставилось въ зависимость отъ соглашенія съ Россійскимъ Учредительнымъ Собраниемъ.

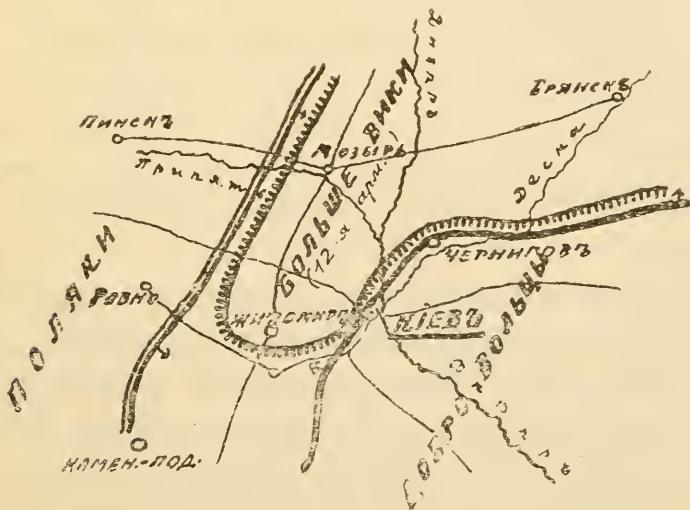
Это решеніе вызвало въ Польшѣ взрывъ неудовольствія. Въ польскомъ сеймѣ и въ печати въ самой рѣзкой формѣ раздались требованія о присоединеніи къ польскому государству въ той или другой формѣ Литвы, а также о захватѣ отъ Россіи большей части Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи. Эти домогательства имѣли противъ себя политику Антанты, Бѣлыхъ правительства и Литвы, и во-

оруженное противодействие красной армии. Къ созданию «Великой Польши» за счетъ Россіи особенно отрицательно отнеслась Англія, и лордъ Керзонъ самымъ настойчивымъ образомъ совѣтовалъ польскому правительству «удержать свои притязанія въ разумныхъ предѣлахъ, не стремясь поглотить народности, не имѣющія съ Польшой племенного родства и могущія быть лишь источникомъ слабости и распада».

**

Къ осени 1919 года арміи Юга Россіи, наступая на Москву, занимали фронтъ отъ Царицына на Воронежъ-Орелъ-Кievъ-Одессу, прикрывая освобожденный отъ большевицкой власти районъ восемнадцати губерній и областей — пространствомъ въ 1 миллионъ кв. километровъ, съ населеніемъ до 50 миллионовъ.

Предпринимая наступленіе въ сторону Киева, я имѣлъ въ виду огромное значеніе — въ обоюдныхъ интересахъ — соединенія Добровольческой арміи съ Польской. Это соединеніе автоматически освобождало бы польскія войска восточного фронта и всѣ русскія войска Киевской и Новороссійской областей — для дѣйствія въ сѣверномъ направлении. Я предлагалъ польскому командованію, чтобы оно продвинуло войска только до верхняго Днѣпра, въ общемъ направлениі на Мозырь. Одна эта диверсія, какъ видно изъ

КІЕВСКІЙ ФРОНТЪ КЪ ОКТОЯБРЮ 1919 р.

скій), напутствуя его «требовали во что бы то ни стало добиться соглашения», считая, что «иначе положение Польши между Германией и Россией грозитъ чрезвычайными потрясениями». Горячо увѣрялъ меня и таганрогская миссія Антанты, что у Польши никакого соглашения съ совѣтами нѣть, а временное затишье на фронтѣ вызвано техническими условіями... Подобныя же завѣренія дѣлались въ Варшавѣ безпокойнымъ представителямъ Англіи и Франціи, въ частности уполномоченнымъ англійского правительства члену парламента Макъ-Кіндеру и генералу Бриггсу, ведшимъ въ польской столицѣ переговоры о кооперациі Польскихъ Армій съ Добровольческими.

Что же касается совѣтского правительства, то оно съ радостью приняло предложеніе Пилсудского, давъ, по его требованію, завѣреніе, что «тайна будетъ сохранена нерушимо». Сохранилась она совѣтами дѣйствительно до 1925 года, когда, по случаю смерти Мархлевскаго, совѣтская печать повѣдала миру, какую великую услугу оказалъ покойный российскому коммунизму.

Такъ шли недѣли и мѣсяцы. А тѣмъ временемъ 12-я совѣтская армія спокойно дралась противъ Кіевскихъ Добровольческихъ войскъ, имѣя въ ближайшемъ тылу свою польскую дивизію.... А тѣмъ временемъ совѣтское командование снимало съ польского фронта и перебрасывало на мой десятки тысячъ штыковъ и сабель, рѣшившихъ участь Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Только съ конца декабря, послѣ паденія «благо» Кіева, польскія войска возобновили военные дѣйствія на сѣверѣ, а на Волынскомъ фронтѣ ген. Листовскій сталъ занимать безъ боя города, покидаемые отступавшими къ Одессѣ Добровольцами.

Объ этой трагедіи Бѣлыхъ армій и русскаго народа ген. Галлеръ съ холодной жестокостью говоритъ:

«Слишкомъ быстрая ликвидация Деникина не соотвѣтствовала нашимъ интересамъ. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы онъ еще нико-

торое время связывалъ совѣтскія силы. Я докладывалъ обѣ этой ситуаціи Верховному землю (Пилсудскому). Конечно, дѣло ишло не о дѣйствительной помощи Деникину, а лишь о продленіи его агоніи»...

Съ этой именно цѣлью предположена была диверсія противъ совѣтскаго фронта «послѣ того, какъ большевики займутъ Полтаву». Но отъ мысли этой генерали Пилсудскій и Галлеръ скоро отказались: «мы пришли къ убѣждѣнію — пишетъ Галлеръ — что диверсія эта принесла бы намъ мало пользы».

Дѣстайно вниманія, что даже въ тѣ дни, когда принято было это рѣшеніе, ген. Пилсудскій, черезъ уноми-счелъ возможнымъ довести до моего свѣдѣнія о согласіи своемъ на свиданіе со мной и на помощь намъ... весною.

Это было въ январѣ 1920 года, когда арміи Юга отступили уже за Донъ. Мы не знали тогда, что вопросъ идетъ только о «продленіи нашей агоніи», но и помимо того, при создавшихся условіяхъ, обѣщаніе помощи «весною» звучало злой пропнѣй.

Нечего и говорить, что съ русской национальной точки зреія «методы», примѣнявшіеся Пилсудскимъ, вызываютъ глубочайшее возмущеніе. Но и «мирная совѣсть», несмотря на хроническую глухоту свою, не можетъ не заклеймить «военную стратегему» покойнаго маршала Польши.

**

Изъ всего изложенного вполнѣ понятно, почему Пилсудскій обѣ этой исторіи молчалъ до конца своей жизни и заставлялъ молчать другихъ. Теперь, когда затретъ молчанія снять, его соучастники стараются оправдать его и свои дѣянія.

Какіе же мотивы приводятъ они?

Во второй вербальной нотѣ (начале декабря 1919 года) капитанъ Боэрнеръ передавалъ совѣтскому правительству:

«Въ основу политики начальника государства (Пилсудского) положенъ фактъ, что онъ не желаетъ допустить, чтобы россійская реакція восторжествовала въ Россіи. Поэтому все съ этомъ отношеніемъ, что возможно, онъ будетъ дѣлать хотя бы вопреки пониманію совѣтской власти. Изъ этого признанія совѣтское правительство darf и о уже должно было сдѣлать соотвѣтственные выводы. Тымъ болѣе, что давно уже реальными фактами Начальникъ государства доказывалъ, каковы его намѣренія».

Можно только изумляться такимъ... одностороннимъ заботамъ Пилсудского о Россіи. А «восторжествованіе въ Россіи» всеразрушающей, заливавшей и заливающей кровью страну, наибѣлѣе реакціонной изъ всѣхъ когда либо бывшихъ диктатуръ — совѣтской — могло быть допущено?

Нѣть, не за торжество того или иного режима, не за партійные догматы, не за классовые интересы и не за материальныя блага подымались, боролись и гибли вожди Бѣлаго движенія, а за спасеніе Россіи. Какой государственный строй приняла бы Россія въ случаѣ побѣды Бѣлыхъ армій въ 1919-1920 г., намъ знать не дано. Я увѣренъ, однако, что послѣ неизбѣжной, но кратковременной борьбы разныхъ политическихъ теченій, въ Россіи установился бы нормальный строй, основанный на началахъ права, свободы и частной собственности. Пусть во всякомъ случаѣ — не менѣе демократической, чѣмъ тотъ, который ввелъ въ Польшѣ покойный маршалъ... Наконецъ, было, вѣдь, совершенно ясно, что не «деникинскій», не «колчаковскій», не какой либо иной временный режимъ поставленъ на карту, а судьбы Россіи.

Во всякомъ случаѣ непонятнымъ и непосильнымъ являлось навязываніе извѣнѣ русскому народу его государственного устройства. Тѣмъ болѣе непонятнымъ, что

самъ ген. Пилсудскій, порицая активную политику Антанты, направленную противъ большевиковъ, въ первой вербальной нотѣ совѣтамъ заявилъ, что «Польша не есть и не желаетъ быть жандармомъ Европы»!..

Второй мотивъ оправданія (ген. Кутшеба):

«По свидѣніямъ ген. Пилсудского... Деникинъ отказался признать полную государственную самостоятельность Польши и ея право голоса въ вопросѣ о будущемъ тѣхъ земель, пикою польскихъ, которыхъ по разделамъ достались Россіи».

И потому:

«Погромъ совѣтской арміи привелъ бы къ утвержденію правленія Деникина и, въ результатѣ, къ непризнанію интегральной самостоятельности Польши».

Такое оправданіе, принимая во вниманіе тогдашнюю международную обстановку, при наличіи архивовъ «бѣлыхъ», англійскихъ, французскихъ, при жизни десятковъ союзныхъ дѣятелей, бывшихъ посредниками въ сношенияхъ между Таганрогомъ и Варшавой, такое оправданіе расчитано, очевидно, только на полную неосвѣдомленность читателей.

Мое признаніе независимости Польши было полнымъ и безоговорочнымъ. Еще до паденія Германіи, когда Польша находилась въ австро-германскихъ тискахъ, я формировалъ польскую бригаду полковника Зелинского «на правахъ союзныхъ войскъ», съ самостоятельной организацией и польскимъ команднымъ языкомъ. Эта бригада, со всей ея матеріальной частью, при первой же возможности была отправлена мною моремъ (дек. 1918 г.) на присоединеніе къ польской арміи. Съ начала 1919 года на территории Вооруженныхъ силъ Юга находился уполномоченный Польского Национального Комитета, признанного и Антантою, графъ Бемъ-де-Косбань — въ качествѣ представителя Польши; онъ встрѣчалъ широкое содѣйствіе со стороны моего правительства въ от-

правленийъ своихъ официальныхъ функций. Когда же 26 сентября въ Таганрогъ прибыли миссіи генерала Карнишаго и Иваницкаго, снѣ встрѣчены были нами съ исключительной торжественностью и сердечностью. На приемѣ я привѣтствовалъ пословъ Польского государства слѣдующими словами:

«Послѣ долгихъ лѣтъ взаимнаго непониманія и междуусобной распри, послѣ тяжелыхъ потрясеній міровой войны и общей разрухи, два братскихъ славянскихъ народа выходятъ на міровую арену въ новыхъ взаимоотношеніяхъ, основанныхъ на тождествѣ государственныхъ интересовъ и на общности виѣшнихъ противодѣйствующихъ силъ. Я отъ души желаю, чтобы пути наши болѣе не расходились.

Подымаю бокаль за возрожденіе Польши и за нашъ будущій кровный союзъ».

Тяжелое воспоминаніе...

Такимъ образомъ, признаніе нами Польского государства несло не только формальный, но и идеиный характеръ. Но для официальной версіи, очевидно, удобнѣе отрицать эту очевидность, чтобы дать какое либо оправданіе тому непостижимому для непосвященныхъ парадоксу, въ силу котораго ген. Пилсудскій, какъ свидѣтельствуютъ его сотрудники, «сознательно стремился къ гибели русскихъ национальныхъ силъ» и къ поддержкѣ той «красной революціи», которая, по его же убѣждению, «шла не только съ цѣлью опрокинуть Польшу, но и поджечь факеломъ коммунизма весь міръ».

Наконецъ, третій мотивъ — вопросъ о восточныхъ границахъ. Вопросъ этотъ силою вещей не могъ въ тѣ поры получить окончательное разрѣшеніе. Я настаивалъ на сохраненіи временной границы впередъ до разрѣшенія судебъ приграничныхъ земель совмѣстно польской и будущей обще-российской властью — на базѣ этнографической. Какое же иное разрѣшеніе вопроса могло быть болѣе справедливымъ и ре-

ально - выполнимымъ въ тогдашнемъ хаосѣ международной и междусобной борьбы и версальскихъ пререканій. при отсутствіи обще - признанной всероссійской власти, при наличіи измѣнчивыхъ фронтовъ, возникающихъ и падающихъ правительства, эфемерныхъ гетмановъ и атамановъ?!

Но и этотъ вопросъ, какъ оказывается, былъ только фикцией. Дѣло въ томъ, что представитель Польши, ген. Карницкій, въ сущности, никогда и не предъявлялъ мнѣнія какихъ либо определенныхъ условій относительно польско-руssкихъ границъ. Очевидно, вопросъ этотъ въ такой постановкѣ не игралъ роли, такъ какъ Пилсудскій задавался планами иными, болѣе грандиозными. По свидѣтельству ген. Кутшебы, покойный маршалъ стремился «къ новой организаціи Востока Европы» — путемъ полнаго раздѣла Россіи и сведенія ея территоріи въ «границы, населенные кореннымъ русскимъ элементомъ»... Въ частности задолго до вступленія въ союзенія со мною, Пилсудскій подготавлялъ «союзъ» съ Петлюрой — союзъ, который по словамъ польского историка Станислава Кутшебы, имѣлъ цѣлью отдѣленіе Польши отъ Россіи буферомъ, ввидѣ «враждебнаго Россіи и гиляотьющаго къ Польши (вассального) государства — Украины — страны плодородной, богатой углемъ и заграждающей Россіи столь важные для нея пути къ Чёрному морю»... Пилсудскій полагалъ, что «только путь реституції Украины поляки могутъ обезпечить себя съ востока». И что только въ томъ случаѣ «Деникинъсталъ бы союзникомъ нашимъ, если бы онъ не противился политическимъ тенденціямъ отрыва отъ Россіи и плодовыхъ элементовъ», и, въ частности «призналъ бы украинское движение»...

Пособниковъ въ раздѣлѣ Россіи среди вождей Бѣлаго движения не нашлось. И потому въ польской главной квартирѣ было решено: «такъ какъ официальное строительство Украины выявило бы наше враждебное отношеніе къ Деникину, что для насъ невыгодно», то эти планы надлежало скрывать и отъ Деникина, и отъ Антанты, и къ выполнению ихъ «можно приступить только

ко посль паденія Деникина». Такъ гласила інструкція, данная Пилсудскимъ генералу Листовскому, командовавшему Волынскимъ фронтомъ.

Никогда, конечно никогда никакая Россія — реакціонная или демократическая, республиканская или авторитарная — не допустить отторженія України. Нелѣпый, безосновательный и обостряемый извнѣ споръ между Русью Московской и Русью Кіевской — есть лишь внутренній споръ, никого болѣе не касающійся, который будетъ разрѣшенъ нами самими. «Отторженіе» въ 1920 году оказалось совершенно непосильнымъ для польской арміи, даже передъ лицомъ пораженческой совѣтской власти и разбитой красной арміи Тухачевского. Поэтому такъ легко, вслѣдъ за симъ, по Рижскому договору, и Петлюра, и Україна были брошены поляками на произволъ судьбы.

Просто и ясно.

Но вотъ ген. Кутшеба задаетъ вопросъ: «Вѣрно ли, что Польша предала украинцевъ?» И отвѣчаетъ:

«Если бы не польско - украинская кровь, пролитая со имя этого дѣла, если бы не политическая программа 1920 года, быть можетъ, не существовала бы сегодня Україна, какъ самостоятельная республика»...

Съ чувствомъ удивленія и... стыда за автора читаешь эти строки. Во первыхъ, какъ известно, первоначальная ініціатива признанія Україны исходила отъ нѣмцевъ, а во вторыхъ... не дай Богъ, генералъ Кутшеба, чтобы ваша родина стала когда-нибудь такой «самостоятельной республикой», какъ совѣтская Україна...

Такимъ образомъ, въ свѣтѣ исторической правды «борьба противъ россійской реакціи», «высокая историческая задача освобожденія украинского народа», непризнаніе Деникинымъ государственной самостоятельности Польши» и проч., и проч. — все это оказывается лишь неудачнымъ камуфляжемъ безграницаго національнаго эгоизма. Вопросъ въ тѣ роковые дни сводился исключи-

тельно къ разруѣшению страшной по своей простотѣ и обнаженности диллеммы :

— Содѣйствовать ли національно-му возрожденію Россіи или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать ему? Или же способствовать коммунистическому порабощенію Россіи и ея раздѣлу?

**

Большевизмъ побѣдилъ.

Каковы результаты этой побѣды не только для Россіи, но и для всего міра — обѣ этомъ говорить теперь нѣтъ надобности. Но было бы непростительнымъ заблужденіемъ считать, что приведенная здѣсь исторія закончена. Она продолжается. Міръ вновь стоитъ передъ событиями грозными и кровавыми. Большевицкая пропаганда и большевицкое золото разлагаютъ жизнь народовъ, въ томъ числѣ и Польши. Русско-польская рана кровоточить попрежнему. Попрежнему ненависть заглушаетъ голосъ крови и разсудка. Тѣ планы, которыми задавался въ 1919-1920 годахъ маршалъ Пилсудскій, и тотъ методъ, который онъ примѣнилъ тогда не только въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, но и въ отношеніи союзныхъ Франціи и Англіи — какъ видно изъ появившихся офиціозныхъ «вспоминаній» — находять оправданіе и одобрение въ польскихъ правящихъ кругахъ и сего дня. По крайней мѣрѣ осужденія имъ не слышно. Мало того, недавно, по случаю пребыванія въ Варшавѣ румынского короля Кароля, офиціозъ министра иностр. дѣлъ Бека «Польское политическое агентство» привѣлъ слова, обращенные въ 1922 г. маршаломъ Пилсудскимъ къ румынскому королю Фердинанду: «Отъ моря Балтийского до моря Черного живетъ одна и та же нація, хотя и носитъ различные национальные цветы...» И многозначительно добавилъ: «Польша и Румынія решили строить свои судьбы, согласно ихъ собственной воли и своими собственными силами»...

Если «программа» и «методы» маршала Пилсудска-

го не подвергаются осуждению и пересмотрю, то это обстоятельство, съ одной стороны, ставить подъ большое сомнѣніе цѣнность современныхъ международныхъ обязательствъ Польши, и съ другой — вызываетъ призракъ новой братоубийственной войны, исключая возможность дѣйствительного замиренія Востока.

Предостереженія исторіи, какъ видно, не идутъ въ прокъ... Тѣ круги, которые питаютъ надежду на сотрудничество Германіи въ «восточныхъ планахъ», могутъ жестоко обмануться. Данцигскій коридоръ, Поморье, верхняя Силезія, быть можетъ, часть Познани, это — реальность. Украина-же — иллюзія, обманывавшая не разъ жестоко и шведовъ, и поляковъ, и нѣмцевъ. Не исключена, вѣдь и такая возможность, что «стратегема маршала Пилсудского» обернется другимъ концомъ, что Гитлеръ въ рѣшительный моментъ используетъ ее въ отношеніи Польши такъ, какъ Пилсудскій примѣнялъ ее нѣкогда въ отношеніи Россіи...

И такъ, «диллемма» поставлена передъ Польшей вторично и ждетъ спѣшнаго и теперь уже окончательнаго решения. Ибо сроки близятся: на востокѣ происходятъ знаменательные процессы самопожиранія большевизма и пробужденія Национальной Россіи. Никто и ничто не въ силахъ остановить эти процессы.

Въ необыкновенно сложной и тревожной коньюнктурѣ своего внутренняго и международнаго положенія Польша, волею судебъ и слѣдствіемъ своей политики, поставлена между молотомъ и наковальней. И не разъ еще, быть можетъ, неповинному польскому народу придется горько пожалѣть о томъ, что въ 1919 году вожди его предали Россію.

А. ДЕНИКИНЪ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.2
D42
1937

